Стихи

Антон Шумилин *Анна Мартышина*
Сергей Жидков

ДЫМ ИНТУИЦИИ

Пенза, 2010

84Р6-5
Д 88

Антон Шумилин
Анна Мартышина
Сергей Жидков

Д 88 **Дым интуиции.** Сборник стихотворений. —
Пенза. 2010. — 120 с.

© Антон Шумилин, 2010
© Анна Мартышина, 2010
© Сергей Жидков, 2010

То, что должно случиться, неминуемо произойдёт.

Ушедшие за линию горизонта ещё скажут своё слово.

Оно неизбежно, как острый фрагмент забывшегося,
удивительно вещего сна;

потеряно, как сакральные знания древних цивилизаций;

неминуемо, как чёрное эхо случайного ветра,
врезающегося в память, чтобы снова исчезнуть;

детально предначертано,
как ещё неразгаданные штрихи будущего;

вечно, как стёртый след одинокого дорожного ботинка,
настойчиво упирающегося
в бездну фатальных случайностей;

легко и радостно, как предчувствие
умирающего философа перед началом
самого тяжкого пути;

Оно ещё вернётся, как случайное пророчество,
как приближающаяся в завесе дыма
и запаха вселенской гари
фиолетовая точка тлеющего костра.

Оно ещё вернётся. И, может быть, к нам…

Антон Шумилин

Пора трогаться

Ночь. Февраль. Духовная евгеника.
Мы идём кому-нибудь присниться.
А фонарь похож на шизофреника,
Белый клевер тает на ресницах.

Мы вплелись в космические танцы,
В бархат эйфории, – чтобы сутками
Нарушать законы гравитации,
Утончённо трогаясь рассудками.

Анна Мартышина

Мы просто помним…

Мы просто помним прежние миры
В пыли метафизических туманов,
И правила космической игры,
И лица неземных тиранов.

Мы просто помним. Сны ли нас гнетут,
Или стихи из мрака вырастают –
Стирается бессмысленное «тут».
Ты не со мной? Ты далеко? Я знаю...

И, засыпая, видишь корабли
Из чистого, струящегося света.
Их в вечный рай задумчиво вели
Погибшие усталые поэты.

И шелест волн, и крики диких птиц,
Парящих медленно над парусами,
И искажённый абрис чьих-то лиц,
Искавших нас прозрачными глазами,

Ты помнишь всё. Мне трудно рассказать –
Земной язык подвластен разложенью.
А я, стремясь себя в тебе узнать,
Терплю в душе тоску самосожженья.

Сергей Жидков

Чёрная комната

Увидь меня в невидимом окне.
На год я в чёрной комнате закрылся.
Мне будущее грезилось во сне,
Но сон мой уже утром позабылся.

Мне следовать безропотно за ним,
Иль каменным горшком скрываться в глине?
Того, кто был вчера незаменим,
Сегодня уже кем-то заменили.

Героев нет и в комнате моей.
На сцене погорелого театра
Они остались мифом для людей,
Уже таким незначимым для «завтра».

А здесь, в моём картонном коробке,
Паук опять плетёт свои интриги.
С фломастером-рассказчиком в руке
Читаю ненаписанные книги.

То странный иероглиф, то пунктир
Маячат, понапрасну беспокоя.
Мне полночь – самый главный ориентир –
И комната без сказочных героев,

В которой нет ни пешки, ни ферзя.
И, может, оттого-то мне и слаще.
О будущем задуматься нельзя,
Когда так много мыслей в настоящем.

Как точку обесцветить запятой?
Где след свой отыскать в пыли дорожной?
Когда и в чёрной комнате пустой
Найти себя почти что невозможно.

Антон Шумилин

Руками шаришь в пустоте...

Руками шаришь в пустоте, и ёжик страха рвётся в пляс.
И в целлофановый пакет набито множество голов,
И все хотят пополнить свой кислотно-щелочной баланс
И гормональный дискомфорт утешить равенством полов.

Табачный пепел на столе, седая книга под столом,
Ногами шаришь в пустоте, и чьи-то зубы лезут в нос,
Причинно-следственная связь из грязи лепит в горле ком
И не даёт найти ответ на новый каверзный вопрос.

Уныло бегают глаза по бесконечным зеркалам
И нервно шарят в пустоте. Бесцельно тикают года.
Седая книга под столом переломилась пополам.
Причину следствием тошнит. И этот праздник навсегда!

Анна Мартышина

Празднуй пробуждение и счастье

Празднуй пробуждение и счастье,
Красоту свою и чистоту.
Осень извергается в ненастье,
Пламенем сгорает на ветру.

Празднуй избавление от боли!
Я ушла – я не пригрежусь вновь,
Вся в шелках и блёстках белой крови,
И сияющая, как любовь...

Забывай и забывайся снова!
Празднуй лихолетия побед,
Убеждай, что ничего святого
Не имел мой вдохновенный бред
О пылающих сердцах заката,
О разбитом облаке зари.
И в глухую пору листопада
В холоде бесчувственной блокады
Больше в сны и слёзы не зови.

Празднуй! Вихрем, ветром, ураганом
Отдаляй свой неизбежный крах.
Белыми извивами тумана,
Наглыми замашками тирана,
Жившего зудящей детской раной –
Празднуй! Погружение во прах.

Сергей Жидков

Карнавал

Не бойся разорвать от смеха рот
В иллюзии любовных революций.
Все камни, что летят в мой огород,
Когда-нибудь к тебе же и вернутся.

Весельем золотится твой бокал.
На улице опять звенит фиеста.
Ещё бы! Так безумен карнавал,
Что мне уже на празднике нет места.

В сиянье ярких шляпок и зонтов,
Как радуга, твой праздник многоцветный.
Средь ряженых волшебниц и шутов
Я гость, пожалуй, самый неприметный,

Без пафоса и вылизанных фраз
Танцующий весь вечер до упаду.
Но знаешь ли, я кое-что припас –
Суровую, надёжную гранату.

Я брошу её вправо или вверх.
Рука моя теперь неукротима.
Секунда – и кровавый фейерверк.
Такое и не снилось Тарантино.

Лови же наслаждение…Вот-вот
Допляшется всё то, что танцевало.
Смотри не разорви от смеха рот.
БА-БАХ!!! И никакого карнавала.

Антон Шумилин

О Дне Родины

Подтаявший день окольцован охрипшими песнями,
Пожёван тенями, чуть жёлт и немного рыж.
И пляшет мечта молодых не дожить до пенсии,
Как солнечный зайчик – сталкер дырявых крыш.

Как солнечный зайчик… Бесцельно его мерцание
В бетонные лысые стены, в окна проём.
Священный закон – отрицание
отрицания,
Мы здесь закалились холодом – не умрём!

Легко не заметить слепого вмерзания в кому:
так
Фальшивый порядок прилизанно-офисных дней –
Суть корочка льда на поверхности тихого омута.
Но что-то стальное опять вызревает на дне.

Беспечные стаи немногих хозяев многого
И тех, кто последнюю правду в тюрьме гноил,
Смеются и смотрят в мутное наше логово.

Но здесь глубоко.
И
далеко не ил...

Анна Мартышина

Парфюмер

Я этот мир люблю до трещинок во мраке,
До просочившихся в ослепший глаз лучей.
На дне вселенной вспыхивают маки
От ровного огня моих ночей.

Кипит зловонный омут мирозданья,
Земные чувства варятся во мне.
В своей непроходимой тишине,
В заплаканном, пастельном полусне
Вплетаю в бред останки древних знаний.

И чувствую, как это небо тленно,
Как трудно не вступить в игру теней
И красками раздавленной вселенной
Не запятнать покой души своей.

Сергей Жидков

Интроверт

На что-то намекает дырявое сердце в окне.
Кое-как давится моими словами воздух.
Земной? Живой? Ненужный? Но всё же есть день.
И цепь дежавю случайных фатально звенит во мне.
Я выклеван вопросами.
Я выклеван вопросами –
Как самый бестолковый, любимый сорокин перстень.

Куда же так зорко смотрит дыра моего нутра?
Неужели прищур двадцать первого…
вскроет во мне интроверта?
И сменит волну отсутствий новых пустот волна.
И кожуру притворства – новая кожура?
Я сыт глубиной ответа.
Я сыт глубиной ответа.
Я съел уже столько правды, что кривится во мне она.

И уже сегодня хохочет отрыжка грядущего дня.
Я шагаю спокойный, наслаждаясь простыми вещами:
Растоптанный снег, и как будто живой квартал.
Дырявое сердце в окне безучастно глядит на меня.
И ловлю я ушами,
совсем ледяными ушами
Сероватый мотивчик жизни, от которого так устал.

Антон Шумилин

Безразличие

Фатальная ошибка –
Это когда портится аппетит.
Курица и яйцо в салате
Одинаково хороши,
И какая разница, что первично?
Какая разница?

Пустые тёмные улицы – чистилище,
Шлюз перед аппетитом.
Кто-то уже пять часов ест,
Кто-то уже месяц не ест,
Но всё равно растёт не протест,
А аппетит.
Пустые улицы – амфитеатр покоя,
Но в земле больше свободных мест.

Люди в сером
С аппетитом таскают в отделение…
Кого? Какая разница?
Фатальная ошибка –
Это когда портится аппетит.

Долго смотреть в глаза –
Признак болезни или дурного тона.
И какая разница, в чём причина?
Грудную клетку безразличия
Насилует ветер.

Ты всё ещё мёртвый.

Анна Мартышина

Суди, как хочешь

Суди, как хочешь, лишь бы стало легче
Переживать однообразность дней
В их суете предсказанных страстей
И наказаньях неизбежной встречи

С самим собой, усталым и чужим,
Наедине в разрушенной беседке,
Где посетители давно уж стали редки,
А стены помнят тех закатов дым,

Которые пылали в годы счастья,
Их не гасили ветер и ненастья,
Пожар души их бережно хранил.

Всё прожито. Сгорело и отпело,
И даже память эта – надоела.
И глушь – такая, словно и не жил.

Сергей Жидков

Стынет ночь в отражении беззубой луны...

Стынет ночь в отражении беззубой луны
И пронзает мой сад чёрной пулей.
Буре сладких смирений чернила верны,
Низвергая останки раздумий

Прошлогодних, как нити рождественских снов.
Стынет чай, согревая веранду.
Фиолетовым блеском несказанных слов
Прорастает в бокале лаванда.

Ночь проносится снежной, хрустальной фатой
Мимо смерти и сонного мрака.
Лишь рыдает февраль обречённо-пустой
У надгробной плиты Пастернака.

Антон Шумилин

В обжигающую тьму ночных улиц…

В обжигающую тьму ночных улиц
Расширенными зрачками выливается
Внутренний туман,
Молочными щупальцами животного страха
Выжимая по каплям
Волю идти вперёд.
Когда в лабиринте пульсирующих капилляров
Торжественного церемониала
Закипает густое вино,
Из какого-нибудь хлева
Вырывается первый крик младенца,
Открывающий эру новой борьбы.

Анна Мартышина

В свете сломанных фонарей

В свете сломанных фонарей
От земли до земли – навстречу
В ритме чьей-то знакомой речи
О глазах неземных зверей...
В свете выцветшего огня,
Из глубин неживого слова
О бессмысленности былого
Мелким льдом о весне звеня,
Тает небо клубами пены,
Образуя густую вязь.
По извивам прозрачной вены –
Красноватая, тёплая грязь.
Жизнь течёт по хребтам ледохода,
Выливаясь из вспаханных пор.
И гнилая, сырая природа
Оседает в бесформенный сор

Сергей Жидков

О, неужели ты уходишь?

О, неужели ты уходишь, белизна,
Не вовремя, как насморк Бонапарта?
А сердце требует лишь белого вина,
Омыть назойливость кровоподтёков марта.

А сердце помнит ускользающую гладь
Вчера искрящегося снежного потока,
Когда и Бог не мог в метели разобрать,
Что там пестреет – снеговик иль синагога?

Часы не те…Исчерпан воздух ледяной,
Струится солнце по смеркающимся тропам.
Мне не сбежать и не спастись (ведь я не Ной!)
От беспрестанного весеннего потопа.

И только ветры необдуманно легки,
Качая сонную сосновую макушку.
Седых сосулек воспалённые клыки
Зловеще метят расколоть мне черепушку.

Все мысли вытекут… Иголка ещё та!
В больной груди качнётся музыка мотора.
Меня терзают чёрных веток нищета
И стыдоба беспозвоночного простора.

Антон Шумилин

Предчувствие

Чумной почерневший грызун
Затерян в рабочих кварталах…
Я чувствую – небо внизу,
В бензиновых бледных фракталах –
И сердца пронзительный скрип.
Любви безысходная рана
Похожа на ядерный гриб,
Червивый распадом урана.
Я чувствую – небо внизу,
В серебряном панцире Нави –
Как ветер срывает слезу
И в прах разбивает о гравий.
Скупой макияж мелочей
Замкнулся решёткой, витриной,
Кольцом фрикционных ночей,
Продукцией водочно-винной…
А ветер срывает слезу
В густое кровавое Нечто,
Я чувствую – небо внизу.
Но Это
будет не вечно!..

Анна Мартышина

Поток

Солнечного чистого потока
Мощные, тяжёлые удары.
Небо неуклонно и жестоко
Видит в каждом нового Икара.

Метеором ярко догораешь,
Воск кипит, и глухо сердце бьётся.
От земли до неба – видишь? знаешь?
К маяку оплавленного солнца

Не взлететь уже. И небо стынет,
Чуть алея обожжённым краем.
В тёмной человеческой пустыне
Затерялась вновь дорога к раю...

Снова ночь. Незыблемость, усталость.
Мало света; грязи, горя – много!
И блестит возвышенная жалость
На глазах измученного Бога.

Сергей Жидков

Жалко замёрзший автобус...

Жалко замёрзший автобус,
Погружённый в людской полудрём.
Не узнать, для чего мы живём,
Хотя жизнь – незатейливый опус.

Скрежет шин – бытия обертон,
Воспалённый тупик светофора.
Остановка «Завод» так нескоро,
Досмотри недосмотренный сон.

Коротки декорации ночи,
И тягуч трудодней караван.
Кто-то школьник здесь,
кто-то – рабочий,
И у каждого свой таракан.

По маршруту всей жизни-аорты
Неохотно течёт календарь.
А рассветов тревожная рань
Так скупа на подарки субботы:

Непривычно досмотренный сон,
Телерая бурлящие сласти,
И бутылка вина – вместо счастья,
Задающая празднику тон,

Чтобы крикнуть: «Ещё поживём!»,
Не расслышав свой собственный голос,
Заскочить в торопливый автобус,
Незаметно состарившись в нём.

Антон Шумилин

Огоньки в бутылке водки

Огоньки в бутылке водки
Мерзкой солнечной гримасы,
На ветру шуршат ошмётки
Изумрудной биомассы.

Пустотой полны карманы,
Полнотой пуста посуда.
Мы смешные наркоманы
Потребления абсурда.

Невесомо слово наше.
Двое – в гроб. Кто будет третьим?
Больно жить в безвкусной каше,
Что-то нужно делать с этим…

Анна Мартышина

От прошлого осталась…

От прошлого осталась скорлупа,
Хрустящая под лёгкими ногами,
И мелкая, колючая крупа
Останков, бывших вечными богами.

Шуршат и тяжелеют за спиной,
Растущие, невысохшие крылья.
Гудит и душит нас земной покой
Клубами липкой, сладковатой пыли.

Моря, моря... Звенящий океан
Лазурных, взбитых в пену откровений,
В круговороте солнечных течений
Прорвавшийся из старых, тёмных ран.

Кровь на лице. Наш мир сгорел давно
Под грохот чьих-то светлых обещаний.
И в почве недосказанных желаний
Перегнивает вечное зерно.

Сергей Жидков

Под лампой, как под солнцем Арагона...

Под лампой, как под солнцем Арагона
Мурлычет моих снов чеширский кот.
Я молодость – цветение пиона –
Легко благословляю на исход.

Мерещится нездешняя нирвана
В мелькании испанских мотыльков.
Плени меня, иллюзия тумана
Великих ненаписанных стихов.

Шепчи мне, пальмы перистая крона,
О чьей-то несбываемой судьбе.
Блуждающий под солнцем Арагона,
Слагаю серенаду сам себе.

Антон Шумилин

Нирвана?

Эроса козни, мечты и любовные муки –
Это не мне. Я не знаю, что это такое.
Прыгаю в храм тишины, где низвержены звуки,
В мягкие лапы стерильного суперпокоя.

Бури и приторный лай огнестрельного эха –
Это не мне. Я сторонник особого стиля.
Прыгаю вбок, в переливы прохладного меха,
В мягкие лапы вовек абсолютного штиля.

Тлеют года вереницей штампованных серий.
Где ничего не случается – жалости нет, но
Муха свободы умрёт в паутине артерий,
Мягкие лапы задушат меня незаметно.

Анна Мартышина

Ты хорошо играешь эту роль

Ты хорошо играешь эту роль,
И прошлые тебе дались не хуже.
И даже грим совсем уже не нужен,
Чтоб скрыть презренье и тупую боль.

Я не могу тебя переиграть,
Я злюсь, теряюсь, путаю пароли,
И спотыкаюсь в этой глупой роли,
И не имею сил тебя предать...

Ты смог бы – так велела постановка,
Так зритель просит, гости и массовка,
И злится престарелый режиссёр.

Последний дубль – собой закрыла пулю,
Циничную, холодную, шальную.
Живи, играй, а я – плохой актёр.

Сергей Жидков

Наполнен сексом, тёплым сном и колбасой...

Наполнен сексом, тёплым сном и колбасой
Твой бренный мир почти пленительно-безгрёзный.
А я кромсаю равнодушие слезой
И сам себе кажусь смешным и коматозным.

Мой сон о радости бесцветят все подряд
И перекраивают камни мирозданья.
Я очень болен. Я молю: «Подай мне яд –
Стакан горячего, живого пониманья».

А ты поишь меня целительным вином
Самодовольства. И глаза твои шальные
Меня дурманят, но всё чаще за окном
Мелькают нищие, убогие, больные.

Антон Шумилин

Белые колыхания обнажённого живота

Белые колыхания обнажённого живота,
Словно замедленный пульс
Опьяняющего, обрекающего на безысходность
Декаданса…
Тонкие линии, заплетённые вокруг теней,
Раскрывающие фрактальный орнамент
Тантрической лихорадки –
Не влажный апофеоз
Жизни или смерти,
Но удовлетворённая
Недолгой аннигиляцией противоположностей
Жажда одиночества,
Неожиданное возвращение
После поспешного
самосожжения.
Белые колыхания обнажённого живота
Прижимают небо куда-то выше,
А ты улыбаешься,
И мы слышим…
Через шум замедляющегося колеса Сварги,
Через завывания зомбоящика,
Через собственные слова –
Слышим друг друга…

Анна Мартышина

В больной эстетике мечты и декаданса

В больной эстетике мечты и декаданса
Так по-осеннему печально и светло.
В душе растут божественные стансы
С земным посланием Эдгару По.

Он всё поймет, бесплотный чистый гений,
И рядом сядет, крылья уронив.
Вся жизнь моя – цепь горьких озарений,
Его стихов тоскливый лейтмотив.

Холодный ветер гонит волны света,
Слепит бредущих к храму пустоты.
Кладу к ногам погибшего поэта
Болезненные жёлтые цветы.

Сергей Жидков

Над пропастью

Что-то блёклое тянется к свету в саду.
Томный шёпот теней…Воспалённая лампа,
Заикаясь, фырчит и мерцает в бреду,
Ожидая предательски хитрого залпа.

Не фырчи! До утра ещё тысячи лет.
Нам взбираться по лестнице ввысь – и обратно,
Черпать свежий туман серебристых комет,
Будоражить небесную звёздную вату.

Знаю, там не изветрится пламенный след.
Знаю, там не померкнут в созвездии розы,
И нелепый земной полусон-полубред
Станет белым пятном мирового гипноза.

Там не хватит огня догорающим дням
В равнодушной реке чуть живого сонета,
И космический ветер расскажет камням
О мерцающей лампе земного поэта.

Антон Шумилин

Мы будем летать

В сиренево-мраморных перьях осеннего облака
Дрожа золотыми ресницами снежного пуха,
Закат, словно пёс, тишиной своей вылакал колокол
И звон проглотил в невесомое синее ухо.

А наша судьба ограничена узкими рамками,
И синее ухо не слышит глашатаев воли,
Душа перманентно сочится кровавыми ранками
И рвётся за рамки, сжимаясь и корчась от боли…

Полёт – антипод расползанья по замкнутой плоскости,
Свобода делиться полуденным запахом сосен,
Возможность не видеть в любимых глазах
озлобленья и жёсткости…
Мы будем летать! Революция рядом. И осень…

Анна Мартышина

Мы с тобой одним миром мазаны

Мы с тобой одним миром мазаны,
Как святые Борис и Глеб.
Мы с тобой ещё крепче связаны,
Чем земные вода и хлеб.

Вместе так наглотались вечности –
Сыт по горло и еле жив,
В ожидании бесконечности
Страх и голову заложив.

Зря ты смотришь так, будто молишься,
Зря сбиваешь тяжёлый шаг.
Не приблизишься и не скроешься –
Я не Бог тебе и не враг.

Мир обманчивый, сны глубокие,
Жизнь одна, и конца ей нет.
Мы – последние, одинокие,
Разменявшие тьму на свет.

Сергей Жидков

Не сторонись...

Не сторонись меня, прошу, не сторонись.
От слёз души мой хлеб и горький, и солёный.
Ещё колышется мертвеющая жизнь
На знойных листьях угасающего клёна.

Ещё дрожит моя остывшая душа,
И черти пламени всё ищут чистой влаги.
Небрежно чертит тайный смысл карандаша
Мою судьбу на неисписанной бумаге.

Ещё не выпита горячая слеза
На затаившейся в безмолвии иконе.
Ещё горят мои туманные глаза,
И дышит солнце в остывающей ладони.

Ещё от горечи хмелеет голова,
И темнота хранит от света наши гнёзда.
Ещё не сказаны заветные слова,
И пахнут вечностью мерцающие звёзды.

Но вновь ведёт меня немыслимая высь
От пепла хижин прямо к царскому чертогу.
Ещё есть время… Просто оглянись,
И проводи меня в последнюю дорогу.

Антон Шумилин

Ни мира, ни войны

Ни мира, ни войны. Ни слёз, ни смеха.
Октябрь весь фарфоровый и хрупкий
В руках твоих пригрелся и молчит.
А в голове сгорает микрочип,
Ты напряжённо поджимаешь губки,
И шелест их подхватывает эхо.

Отпущен грех, натянуты поводья,
И над землёй борьбы алеет знамя.
Фарфоробитной раной ножевой
Октябрь твой испорчен, но живой,
И фрау Майнхоф впредь навеки с нами
Идёт прямой дорогой в Беловодье.

Анна Мартышина

Мне столько лет…

Мне столько лет, что не имею сил
Понять младенчество растущих мирозданий,
Их глупых страхов, грязи и метаний,
Их разорённых, втоптанных могил.

Мне столько лет, что ночь теряет тьму,
Вся тьма во мне! вмерзает, каменеет,
И что-то робкое в душе – звереет,
Сдирает пожелтевшую кайму
Нелепейших попыток одурачить
Какой-то юной датой вечный сон
О том, что жизнь – отыгранный сезон,
А смерть – всего лишь выход на поклон:
Потёртый фрак, цветы и горстка сдачи.

Сергей Жидков

Волк памяти

Не рыщи, о, дряхлеющей памяти волк
По изменчивым клеткам обугленных правил.
Мусор слов откипел, затаился и смолк,
Но простора пустынной душе не оставил.

Кто-то краски сгустил, кто-то краски разбавил,
Но к чему это всё? Мир теснеет, как склеп.
Не о здешней любви проповедовал Павел.
Пахнет ветром потерь чуть надкусанный хлеб.

Печь тоски раскалилась, потеет икона.
И сверчок недовольства упрямо трещит.
Все доспехи души стёрты войском Оттона.
И теперь одиночество – главный мой щит.

По спирали, по кругу, по линии ветра
Чашу времени катит всё тот же сверчок.
Неумело споткнувшись в нуле километра,
Превращается волк в монотонный волчок,
Не отведав отрады горячего куша,
Не увидев, что пишет небесный маляр.

Не царапнув печалью крылатую душу,
Возвращаются камни в знакомый футляр.

Антон Шумилин

Рыбий почерк варёного глаза Луны…

Рыбий почерк варёного глаза Луны
Заставляет дрожать,
Роковую педаль солнценосной войны
Нам осталось нажать.

Выхлопные концепты бетонной трубы
Погружаются в транс,
Невозможный побег из стеклянной судьбы –
Наш единственный шанс.

Только звёздные блики на наших щеках
Как связующий мост:
Где рождение – смерть, где пророчество – страх,
Где падение – рост.

Рыбий почерк Луны, очертания спин,
Нездоровые сны…
Нам осталось приблизить багровый рубин
Солнценосной весны.

Анна Мартышина

Тормоза бывают полезны

Тормоза бывают полезны.
Особенно на отвесном склоне.
Жаль, что я так не думала раньше,
Когда неслась по прямой дороге.

Тормоза пригодились бы, точно.
А теперь – что теперь? Сердце настежь,
И лечу, разбиваясь о рёбра
Всех возможных горных хребтов.

Сергей Жидков

Горит вином мятежный сад

Горит вином мятежный сад.
Как мы, он огненно случаен.
Твой взгляд безвкусен, как салат.
А мой – наигранно печален.

Мы бродим здесь немало лет,
И запах счастья безупречен.
Я обнимаю твой скелет,
Ведь он один приятно вечен.

Антон Шумилин

Мне снится порой, как хрустят позвонки...

Мне снится порой, как хрустят позвонки
И жертву терзают голодные волки:
Ты мне, навсегда запирая замки,
Под жабры души загоняешь иголки.

Ты мне навсегда запираешь замки!
Надежда распята единственной фразой,
Тоска Зазеркалья из листьев фольги
В меня Мельпоменой растёт кареглазой:

В песочных часах испарился песок,
Слизняк притворился всевидящим оком,
Холодное тело – берёзовый сок,
И Радуга радуг повёрнута боком…

Мне снится порой ледяная звезда
И будто смотрю в бесконечную даль я.
Ты мне указала дорогу туда.
В безумную горечь тоски Зазеркалья…

Анна Мартышина

Оттенки чёрного

Какие нежные оттенки чёрного
Переливаются в твоих глазах!
Темно от холода заговорённого,
Живой и пламенный здесь только страх...

Огни ослепшие по горлу мечутся,
Кусками жгучими кромсают речь.
В попытке точечной очеловечится
Так много хочется в себе сберечь.

Порывы чёрного и всплески мутного
Дымят и плавятся в моих глазах.
Темно от ступора ежеминутного,
Живой и пламенный здесь только страх.

Сергей Жидков

Хрустальной обесточен тишиной...

Хрустальной обесточен тишиной
Спектакль неотвратимого прощания.
Минуты близости последней возвращая,
Сокрыт я буду пустолетья пеленой.

Солёный дым непоправимых поездов
Сгущает робкое «Пиши» и «До свиданья»,
И будто трауром лирическим заранее
Сквозит отчаянье случайных городов,

Где постоянство – чей-то бархатный лукум,
И что-то важное – за бликом каждой станции,
Но утомительной природы иллюстрации,
Вплетаясь бешено в туман горячих дум,

Скрывают мир зелёным таинством ворот
Глухого леса, никогда непостижимого
От моего – чего-то дальнего, любимого,
Бегущего в обратный горизонт.

Антон Шумилин

Унылая серость небесного плаца

Унылая серость небесного плаца
Заранее пахнет войной Рагнарока…
Болезненна жажда в себе затеряться,
Звеня переполненной чашей порока…

В чумные объятья зовёт Мессалина,
Забыться в неровной пульсации линий,
Слизнув со стола порошок мескалина,
Родиться соринкой в глазу Муссолини…

Анна Мартышина

Я кого-то в себе успокоил

Я кого-то в себе успокоил,
Остальных равнодушно предал.
Я сегодня в себе обескровил
Все источники этого света.

На душе водянистая лилия
Бредит вечной своей красотой,
Воскресает в провалах библии,
Становясь для вселенных святой.

В снах растений таятся кошмары,
Язвы спящего где-то сознания.
Убивают, глушат удары
Обречённо-предсмертной мании.

Эволюция смертного разума
Завершает виток волшебства –
Я со всеми богами сразу
Ощущаю тяжесть родства.

Сергей Жидков

Прыжок?

Меня скосила не тоска, земная нега –
Бездушное смотренье в пустоту.
Как будто жизнь – простая сельская телега,
И только пыль непостижения во рту.

Как будто выпив неба пасмурного зелье,
Стал проповедником забытых Богом вер.
И обнимаю малахитовые ели,
И отпеваю безутешностью карьер.

Он тянет сладостною, глиняной халвою
В стальное озеро качливых облаков.
Звенят иголки невпопад над головою,
А до небес – всего лишь несколько шагов.

Здесь всё по-прежнему: безвыходно и тленно.
Иное что-то, неподвластное уму
Меня зовёт и не даёт одновременно
Из жизни выпрыгнуть сейчас и самому.

Антон Шумилин

Мысли рождают, как осы яд…

Мысли рождают, как осы яд,
Медленный сдвиг по фазам,
И странно часы со стены горят
Сонным совиным глазом.

Роскошь достать роковую суть
Требуют только свёрла,
А свежий воздух теперь вдохнуть
Проще, разрезав горло…

Анна Мартышина

Переселяюсь в другое тело

Переселяюсь в другое тело.
Здесь всё достало. Дыханье, сны,
Лицо серьёзное цвета мела,
А, может, цвета больной луны...

Мир отдохнёт без тоски и страха.
Весь страх кромешный уйдет со мной.
Пойду искать где-нибудь покой,
Стучаться в души: «есть кто живой?», –
Стирая с них сантиметры праха.

Сергей Жидков

Заманчивая ритмика ножа

Заманчивая ритмика ножа –
Агония в меня непопадания…
Я чувствую, – сжимается душа
И просится в полёт уже заранее.

Глазами нечитаемый исток
Веселья, истекающего водкой.
Просыплет ли меня залунный Бог
Горчицею над адской сковородкой?

Мне холодно. У! Родина глуха
К раскатам то ли плача, то ли пенья.
Прозрачнейшая, чистая труха
Ведёт меня по тинам возрожденья.

Так неба безыскусна канитель,
Как солнца отзвеневшая монета.
Но знаю, – чёрный кончится туннель
Лучом испепеляющего света.

Антон Шумилин

Интуиция

Интуиция. Скрытым от взоров сюрпризом
Кто-то страшный скребётся в закрытую дверь.
Будет время – взлетит над алеющим бризом
Хладнокровно-прекрасный карающий Зверь.

Будто в солнечно-жёлтый кусок поролона
Постепенно впитаются холод и дрожь,
В затянувшемся сне на краю Вавилона
По следам сухожилий пройдётся штык-нож.

Анна Мартышина

Я вяжу из нервов…

Я вяжу из нервов
Варежки, носочки,
Коротаю ночки,
Забываю дни.

Синие, зелёные,
Жёлтые полоски
Все в горячей, липкой,
Хлещущей крови...

На бантики и ленточки
Всё тело перекроено.
Пыталась обезболивать –
Впадала в тёмный бред.

Солёная и длинная,
Тяжёлая и вязкая
Вся эта жизнь несчастная
Со спицами в руках...

Сергей Жидков

Вельветовый занавес

Спи… Остывшая планета –
Безучастный огонёк.
В царстве чёрного вельвета
Я на свет тебя обрёк.

Жмурься, нежься. Я зеваю
У квадратного окна.
Может, где-то мировая
Начинается война.

Может, кто-то точит перья,
Нашу явь перекроить?
Может, времени беремя
Истончает жизни нить?

Век-пылинка под ногами
Оседает в скрежет плит.
Завтра Божие цунами
Наши трупы примирит.

В царстве чёрного вельвета
Станет чище и светлей.
Спи же, сном Земля согрета,
Как нетленный Мавзолей.

Там, за ширмою заката
Никакой загадки нет.
Вместо рая, вместо ада –
Равнодушный Божий свет.

Антон Шумилин

Чёрную сетку вечерних ветвей одинокой рябины…

Чёрную сетку вечерних ветвей одинокой рябины
Гладит туман, не спеша утекающий вверх,
Прячется между могилами Добрый Ээх,
Красными звёздами радуют вечность мои хунвейбины.

Воздух покоен, где храм полумрака и мёртвые дяди,
С рыбьим упорством молчат с фотографий глаза,
Череп собачий не против меня и не за...
Млечной реки рукава в этом мире завязаны сзади.

В лунном безвременье спящего мака сияют рубины,
Сетку ветвей прорывает неслышимый смех,
Прячется между могилами Добрый Ээх,
Красными звёздами радуют вечность мои хунвейбины...

Анна Мартышина

Поражённая правдой охрипшая вязкая ночь

Поражённая правдой охрипшая вязкая ночь,
Тупики коридоров и комнаты с окнами в землю.
И какой-то воскресший в углу полубог-полугремлин
Задыхается в тёмных стихах, умоляя помочь.

И языческий бред. В тупиках коридоров
предвестники Мары,
Красноватые, бледные, вьются, как мотыльки,
Над огромным костром полыхающего кошмара
С синеватыми бликами стылой земной тоски.

И потоки людей сквозь пустую, замёрзшую душу...
Я теряю способность глядеться в чужие глаза.
А из пальцев сплетается медленная лоза,
Наползает на горло, пульсирует, давит, душит.

Сергей Жидков

Нам нечем дышать

Нам нечем дышать, хотя столько свободы.
Вся жизнь уместилась в четыре строки.
«Какая печаль в твои юные годы?» –
Твердят равнодушно вослед старики.

Нет, нет, не печаль! Нас зовёт дискотека
Безудержно пить и бездумно гулять,
Ведь вы, мудрецы, проживёте два века,
А мы умираем уже в двадцать пять.

Мы смело шагаем, и вы нас как будто
Готовы понять и принять нашу дурь,
И то, что возглавим мы новую смуту,
И то, что погибнем от собственных бурь.

Как много же опыта в мудрых ответах,
Мы ждём вашу роспись, улыбку, совет.
Мы всё ещё гости у вас в кабинетах,
Хоть сами готовы занять кабинет.

То годы исправят. Ползущие годы.
А нынче пылятся мечты в дневниках.
Нам нечем дышать, хотя столько свободы
Зажато в мертвеющих ваших руках.

Антон Шумилин

В уродливом мире

Реальностью Матриц дробятся последние чувства:
От сборища клоунов – к ровной плантации клонов.
Тут всё, что не гроб – неминуемо ложе Прокруста.
И всё, что не яд – то градация одеколонов.
В уродливом мире, растущем на знати и черни,
Мы все остаёмся унылым продуктом брожения...
Из дёсен настойчиво лезут мохнатые черви,
И тени размазаны птицей головокружения…

Анна Мартышина

Ты думаешь, я соглашаюсь гнить?

Ты думаешь, я соглашаюсь гнить?
Ты думаешь, я не умею бороться? –
Ищу выводящую к свету нить,
Качаю в себе ледяное солнце...

Что знаешь о стылых, бездонных ночах,
С распахнутыми в небеса глазами,
О снах наяву, заглушающих страх
Охрипшими голосами?

Как мало, как плохо... уходят дни,
А я собираю остатки силы,
Глотаю блуждающие огни,
Закапываю могилы.

Земля терпеливая, долго ждёт,
Прощает истерику существованья.
Я знаю, как скоро меня убьёт
Её голодное ожиданье.

Так что же? Бросаться под поезда,
С отчаянным криком – сквозь грязь и холод?
Вся жизнь моя – тухнущая звезда,
Спалившая светлый, огромный город.

Сергей Жидков

В ожидании…

Безнадёжную линию ветра дожирает стыдливый фонарь.
Невзначай гребешком чебурека продымится небесная ось.
Металлический привкус рассвета.
Неужели здесь всё, как встарь:
Легкомысленный голос века – как всегда ни о чём вскользь?

Взгляд луны, погружённый в зуммер,
болезненно зорок, пытлив,
Обогреет ли он младенца,
что не станет, как все – точь-в-точь?
Вой-не вой, а умер неродившийся позитифф!))
И зола моего сердца опять выбирает ночь.

Антон Шумилин

Пустырь и стар, и сер, и обделён травою

Пустырь и стар, и сер, и обделён травою –
На талии Земли родимое пятно …
И в небе много глаз не видят нас с тобою,
А мы внутри себя нащупываем дно.

Огромный дуб пестрит судьбою бурелова,
Где каменный карьер разверз беззубый рот,
И наши взгляды вверх над хаосом былого
Затягивает вороноворот.

Анна Мартышина

Белый снег, зима глухая

Белый снег, зима глухая,
Перехоженная даль...
Одинокая, чужая,
Мне совсем тебя не жаль!

Шелковисто полыхало
Пламя зыбкого огня,
Ты тоской своей играла,
Вздохом счастье хороня,

Что-то мерно выводила
Перекрашенной душой,
А в углу свеча коптила
Лик задумчивой святой.

Капал воск, бежали тени,
Гасло красное вино,
Рой разбуженных видений
Бился в мёрзлое окно.

Заметало двери рая,
Стыла вспененная даль...
Дорогая, дорогая,
Мне совсем тебя не жаль!

Сергей Жидков

С Новым Годом!!!

Верную выберу нынче мишень я,
Кортеж дураков полетит под откос.
Мы ёлкам прикажем сверкать до Крещенья
Гирляндами самых отчаянных слёз –

Твоих и моих, но навряд ли заплачем.
Пилюлю эпохи сполна проглотив,
Мы купим судьбу, но потребуем сдачи
За наш неуслышанный временем миф.

Взбираясь по лестнице выше и выше,
Отыщем впотьмах судьбоносный чердак.
Ты чистишь винтовку на солнечной крыше,
И будет повержен улыбчивый враг.

Одна теперь цель – ослепительный нолик
В глазу дурака, что ведёт нас в «Эдем».
Я знаю, – однажды осудит историк
Наш век, не судимый сегодня никем.

Ведь вождь-самодур беззащитен и в стае.
Играя с народом, он всё ещё цел.
Но лысиной липкой изящно блистая,
Едва ль ослепит мой упрямый прицел.

Вот выстрел...И криком случайной свободы
Вещают воро́ны, – зла порвана нить.
Мой друг, С Новым Годом тебя, с Новым Годом!!!
Пора улыбнуться и прочь уходить...

Антон Шумилин

Вечер ледяной и поздний

Вечер ледяной
и поздний,
Радио вещает
басни...
Гроздья социальной
розни
Спеют накануне
казни,

Спеют накануне
пира
Бешеных свинцовых
градин...
Басни радио-эфира
вышиты моралью
гадин.

Первые колонны
танков
Приближают грохот
грозный –
Это спеют в сердце
Данко
Гроздья социальной
розни.

Кто умрёт – уже
не важно,
Грохот танков душу
дразнит,
В камере темно
и влажно
Накануне нашей
казни...

Анна Мартышина

Переводы с латинского

Катулл измученный, оставь свои бредни:
Ведь то, что сгинуло, пора считать мёртвым...
Гай Валерий Катулл

Переводы с латинского. Пыль да песок
На зубах после чтения древних поэтов.
Провожаю глазами слова между строк
И не жду от тебя быстролётных ответов.

Вечность к краху ползёт, забирая с собой
Всё, что мы полюбить и понять не успели.
Ты поёшь? А мне слышится тянущий вой
С переливами злой, средиземной метели.

Ты молчишь. А я вижу в тебе мотылька,
Опалённого правдой о сущности бога.
И дышу только тем, чем дышали века
В сумасшедшую юность святого Ван Гога.

А когда разгадаешь мои письмена –
Не стучись ко мне в окна больным серафимом.
Я стою и смотрю, как сгорает весна –
Так Нерон наблюдал за пылающим Римом.

Сергей Жидков

Ветла

Опять ветлы подол косматый
В салатной плещется золе,
И люди мёртвые из ваты
Бредут толпою по земле.

Кто с розой, пламенно расцветшей
В синюшно-пепельной руке,
Кто с подозрительно-нездешней
Улыбкой тает вдалеке.

И мозг мой, скомканный убого,
Вплетаясь в мудрости кору,
Вселяет ложную тревогу,
Что я когда-нибудь умру.

Антон Шумилин

Сливы

Пока собака покоится в свежем горячем лаваше,
Разлагаясь в сомнительный яро-стиль,
Пока ещё не ушло деление «наше-ваше»,
Зажатое в своей безобразной старости,

Одних вынашивают, других выносят,
Иные мечтают быть невыносимыми.
А жажды истины излишняя горсть – яд,
И это лучше, чем отравиться гнилыми сливами.

Анна Мартышина

Я не крыльев твоих испугался

Я не крыльев твоих испугался,
Мой печальный, мой солнечный Бог!
Я в нездешней тоске потерялся –
Я чужою тоской занемог.

Полоснули по горлу закаты,
Утихая в бездонную мглу.
Я не в силах окликнуть «куда ты?» –
За тобой я уже не могу.

Рухнул день, и рассыпались ночи,
Завалило дороги назад.
Только песни твои мне пророчат,
Приближая мой собственный ад.

Помнишь? Может ли быть, что забыла?
Помнишь? Лунную ночь и метель...
Вой и холод. Но в нас не остыло.
Мы дышали тогда. А теперь?

Что теперь? Ты проходишь неслышно,
Вся – величье, прощение, свет.
С каждым разом бледнее и тише,
По утрам превращаешься в бред.

И неловко от собственной боли –
Жизнь уходит. И время прощать.
Сердце ждёт тишины и покоя,
Сердце учится убивать.

Сергей Жидков

Коктейль мечты давно прокис

Коктейль мечты давно прокис,
Затих ребячеств звонкий гомон.
Лифт смерти мчится только вниз,
И трос надежд злосчастно порван.

Не знаю – кем, зачем – не знаю;
Читаю «Отче...» второпях,
Но жизнь изменчиво-цветная
Ещё хранит в своих цепях

Заплесневевшего, пустого
Меня – чудно́го колобка.
Из чаши буйствия земного
Едва испил я два глотка, –

Мурашек огненная стая,
Зайчиных страхов чёрный джем.
Я точно выживу – я знаю,
Но не задумаюсь: «Зачем?»

Антон Шумилин

Фаталистичное

Не весна подгрызает меня теперь –
Тошнота и пыль, завеса смога.
Мне не плохо?! Нет.
Быть может, в сердце – зверь,
В сердце мира, сущего без бога.

На экране – плен крокодильих кож
Вереницей говорящих мумий…
А я дальше вонзаю булатный нож
В переливы хохота безумий.

Потаённых страхов свернулся ёж,
Ожидая скорой эвтаназии.
Если ты сегодня и не умрёшь,
Неизбежен рок вселенской связи…

Анна Мартышина

Освобождаю мир

Освобождаю мир от тяжести своей.
Прощаю мысли вслух и съеденные чувства.
Во тьме души горячий суховей
Взметает бури чистого искусства.

Творите этот мир! Глушите, жгите время,
Своё, моё! – мне стало всё равно.
Исполосованная, брошенная всеми,
Смотрю в себя, как в тёмное окно...

Взлечу? Вмуруюсь в землю? – Разве я
Задумывалась, горбилась над этим?
За всю вселенную, за каждый вздох в ответе,
Я вспоминаю, как внутри змея

По венам переливчато вползая,
Рвала мне глотку, музыку рвала.
Я оставалась, тёмная, больная,
Распятая на плоскости стола

Замёрзшим фаршем из сырых видений,
И таяла. И расплывалась сном,
В котором потерявший крылья гений
Поил меня разбавленным вином...

Теперь – иное. Давит пустота,
Калечит ожидание полёта.
А жизнь под маской плача и стыда
Застыла в ожидании кого-то.

Сергей Жидков

Снова бьётся…

…снова бьётся. Ты рядом.
У нашей постели – Вселенная.
Мне страшно открыть глаза,
Ведь времени больше нет.

Пространство отравлено ядом
Дыхание наше – тленное.
Вот-вот и небес бирюза
Истлеет в румяный рассвет.

Но что нам? Ослепли в объятиях
Вечности, века, мгновения.
Ты слышишь, застыли часы,
Задув ожиданье ресниц.

Ветер в малиновых платьях
В окне не находит смирения.
Мы – горше божьей слезы
Под крыльями ангельских птиц.

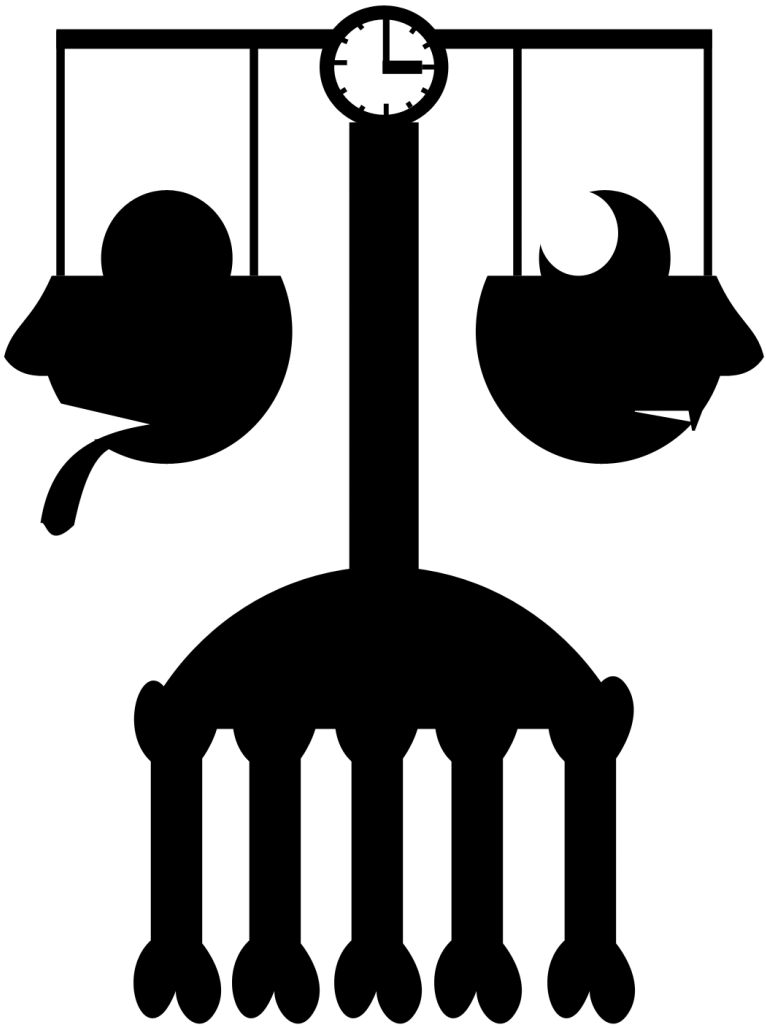
Мы – два непрочитанных лотоса,
Мы – зёрна, забытые в глине.
Мы – берег небесной роздыми,
Просыпанный в зеркало луж.

Космос целует мне волосы
Сухими губами твоими.
Скомканы наши простыни
Шептанием связанных душ.

В безвременье огненно падая,
Осколки часов заранее
О нас тикогулят песни
И стрелка жужжит, как оса.

Мы слиты. Дыши. Восстану я,
Целуя своё дыхание.
Не я и не ты, – мы вместе.
Но страшно открыть глаза.

Антон Шумилин

Рождение истины

Веселье и смех разрастаются Талией.
В этой тупой программе
Есть две кнопки – «Выход» и «Далее».
Пока слепые рыдали,
Сидя в навозной яме,
Их продали и получили медали.

Для поддержания репутации
Растут на русских просторах
Безупречные в эксплуатации
Плантации свежих рабов.

Истина рождается в спорах
Галлюциногенных грибов.

Анна Мартышина

Холодно

Холодно. Небо осеннее в серых пробоинах.
Вопль о спасении тонет в молчании.
Чаем горячим заглушишь отчаянье –
Всё, что горело в тебе, успокоено,

Всё, что светило, разбилось о прошлое,
Нет ничего. И твоё настоящее –
Шутка, мираж, побрякушка блестящая,
Недорогая, безвкусная, пошлая.

Можно прожить в этом мире потерянном,
Напрочь забывшем мечту о спасении?
Небо теряет покой и терпение,
Жизнь коротка, и прощение временно.

Сергей Жидков

Февральской слякоти преступное безволье...

Февральской слякоти преступное безволье.
Ленивой жизни надоевший поролон.
Глотает тучи в никуда антициклон.
В предсмертном храпе затянувшейся зимы
Среди проснувшихся разумны только двое.
Как жаль, что это кто-то, но не мы.

Февральской слякоти целебная дорога
Нас не спасёт от ледяных неразберих.
Алеет в нас огонь или затих,
Мы только жижа, что вчера казалась льдом.

Из невозможного возможно так немного:
Сегодня не спастись или потом.

Антон Шумилин

Поле чудес

Рынок – поле чудес.
Что вращать барабан?
Ты всё время банкрот.

Сунешь руку в карман –
Гладкоствольный обрез
Тебе выстрелит в рот.

Не закапывай честь
И надежду не сей
По стране дураков,

Здесь немало друзей,
Но совсем уж не счесть
Настоящих врагов.

На обмане обман,
На обрезе обрез,
И конвой у ворот.

Рынок – поле чудес.
Что вращать барабан?
Ты всё время банкрот.

Анна Мартышина

Продажа душ – не новая игра

Продажа душ – не новая игра.
Она давно вошла у нас в привычку.
Но странно иногда сиянье Ра
Тушить в душе, как сломанную спичку.

Тушить и забывать твои слова,
Цинично бросив несколько прощений.
А после – знать, что я опять права.
И ждать ночных обычных вдохновений.

Прощать. Копить внутри витками зло.
Не на тебя – на жизнь, на провиденье.
Спускаться на своё больное дно,
Ловить экстаз от приторных видений.

Цинизм мой стал орудием борьбы
За эту жизнь, защитой от прозрений.
А ты остался только словом «ты»,
Как повод для плохих стихотворений.

Сергей Жидков

Пустеют строки...

Пустеют строки. Прыгай в щель
Контекстов неуместных,
В бессмысленность земных вещей,
И призрачность небесных.

Голеют мысли. Букв маршрут
Оттачивает зрелость.
Кого они ещё влекут,
Чью скрашивают серость?

Слова, слова… Пусты на слух,
И смысл безынтересен.
Такие вот стихи, мой друг,
Как вековая плесень.

Казалось, – сказано на треть,
Но вот – наполовину.
Как жаль, что незачем жалеть
И торопиться в глину.

Антон Шумилин

Безумные тени с последних рядов вылезают на сцену

Безумные тени с последних рядов вылезают на сцену
И рвутся на пятна, полоски слепого двумерного стона.
Нелепо и глупо порывам души устанавливать цену…
Смешно и тоскливо смотреть на дома из цветного картона…

Дорога уводит в бетонное царство рабочего гетто
Под звон парадоксов и странную радость предчувствия крови.
Ты ласково смотришь в глаза и ещё далеко до рассвета…
И трепетно-тихий искус отойти от предписанной роли…

Фреоновый холод, подкожная дрожь и мокрицы из ножен,
Серебряной ночью горячие губы становятся слаще…
Сквозь веточки пальцев и мой организм до конца обезбожен
На сумрачной грани любви не для нас, но зато настоящей...

Анна Мартышина

Я с тобой так состарился

Я с тобой так состарился,
Я и жить могу лишь по памяти,
И дышать могу только вечером,
Когда со мной садишься рядом,
Так близко садишься рядом
И руку мою сжимаешь.

Ты со мной много поняла,
И того, о чём лучше бы не знать.
Ты со мной потеряла сон
И ночью бродишь по квартире,
По старой пустой квартире,
Одна в темноте тоски.

Мы с тобой много прожили,
Долго мучились, и теперь вдвоем.
Радостно, было радостно,
А теперь смотрю и вижу,
Так часто смотрю и вижу,
Как жизнь затихает в ночь.

Мы с тобой знали о любви
По сиянью звезд, по мерцанью лун...
Мы с тобой верили в себя...
Ты помнишь, это было с нами,
Так странно, но было с нами,
Так странно и так давно.

Ночь придёт и погасит день.
Ночь придёт, воскрешая жизнь.
Живу и верю только ночью
Тебя я прощаю ночью,
В себя возвращаюсь ночью,
И снова тебя люблю.

Сергей Жидков

Как же ты озвучишь терпкий мрак...

Как же ты озвучишь терпкий мрак,
И поймёшь, что мир ещё возможен?
По щекам солёный блеск горошин
Катится в тоску моих бумаг.

Как же ты исчезнешь просто так,
Не узнав, что я ещё не умер?
Да, я пуст, от одиночества безумен, –
Даже тень свою таскаю кое-как.

Нацепив на город чёрный фрак,
Ночь меня баюкает смиреньем.
Что с того, что памяти поленья
Не согреют тленьем и гамак?

Что с того, что я тебе не враг?
Всё равно исчерпанный, не нужен.
Грех испит, замолен и отслужен,
Но греховен каждый новый шаг.

Остаётся меньшее, чем прах –
Глубина молчанья и природа –
Та же самая, что горше год от года
Отравляет воздух на губах

Медленно, как вуэльтовский табак.
Но, скажи, что станет с нами, если
Нас отыщут во единой песне,
Нас совьёт одной разлуки флаг?
И стиха едва реальный маг
Просочится из цепи бумаг,
Что-то оживит, рассеет мрак?..

Как же я умру такой счастливый в кресле?
Как же ты тогда исчезнешь просто так?

Антон Шумилин

Метель – малиновый суп…

Метель – малиновый суп,
Шипит неоновый бриз,
И чей-то выбитый зуб
Корнями тянется вниз,
И забивается в снег,
Раздвинув челюсти льдин –
Он оторвался от всех,
Он безнадёжно один.
Когда растают снега,
Сольются тысячи губ, –
Опять подастся в бега
Один потерянный зуб.
Когда растают снега –
В коллектор смоется он…
С неоном пляшет пурга,
Кипит вишнёвый бульон…

Анна Мартышина

Весна

Грязь растаяла –
Жизнь разбужена.
Тьма тяжёлая
Похоронена.
Тяжко вечером
Верить западу,
Тухнуть солнечно
И насквозь.
Свет замученный
В сердце капает,
Прожигает, жжёт,
Рвёт узлы.
Грудь распахнута,
Сердце выжжено,
Кровью алою
Плачет жизнь.
Красным облаком,
Ватой розовой
Проплывает ночь
Вдалеке.
Незапамятным
Серым дождиком
Мы замучались
Забывать.

Сергей Жидков

Мне снятся металлические сны...

Мне снятся металлические сны,
Прикрашенные хрустом многоцветья.
Ночь прыгнула на звонкие весы,
И треснуло цветущее столетье.

Рассыпались на кости миражи
В нелепом ожидании рассвета.
Мой ангел в лунном диске цвета ржи
Прицелился в меня из арбалета,

И выцвели надгробия имён,
Как пафосные ветви груши южной,
Что б спал я до скончания времён
Один, такой счастливый и ненужный.

Антон Шумилин

Шаги по полю

Шаги по полю
Несуществующих чудес
К солёной речке
Нафаршированной телами –
Фатальных тактов
Анатомический прогресс,
Весомый стимул
Покончить с малыми делами.

Условный поиск
Недостающего звена
На острой грани
Победы ангельских мутаций
Стартует с мысли,
Что Это может быть Она,
Придя на финиш
С букетом вычурных фрустраций.

А под покровом
Горячих мокрых одеял
Скользит по коже
Почти уверенно и люто
Открытый внутрь
Непостижимый идеал,
Вплетая в стоны
Несовершенство Абсолюта.

Анна Мартышина

Порошок из моих костей

Порошок из моих костей
Растворяется в тёплом небе,
Как в стакане зелёного чая,
Разведённого молоком.

Пыль сухая. Хрустят осколки
На зубах цепенеющих истин...
Как они поглощают солнце
Рваным, судорожным глотком!

И глаза прорастают в землю,
Выпуская ростки созвездий,
Оплетая гнилое сердце
Душной сетью горячих вен.

И ничто не вернётся прежним
Из земного чана гниенья,
И белки моих глаз опавших
Станут бликом в побелке стен.

Сергей Жидков

Всё труднее верить в барабашек...

Всё труднее верить в барабашек.
Чувства уступили клетку знаниям.
Память-яблоня роняет цвет желаний
И глотает дым пластмассовой мечты.

В сад, сменивший тысячи рубашек,
Длани Зевса тянутся и длани ям.
В ней я глаз склонившейся герани?
Или червь, кольцующий листы?

Всё равно...Средь пепельной антоновки
так туманна мысль о подземелии,
И почти неразделимы тень и я,
Хоть колюч ночной чертополох.

Я – случайный, чуть задумчивый, неловкий.
День растянется жемчужным ожерелием,
Но наскучит погремушка драгоценная
И рассыплется на горестный горох.

Может, время его клюнет, может, курица,
Посчитав весьма забавной мусоринкою.
Шорох листьев то врачом, а то советчиком
Что-то бросит в сердца рунного кису.

А потом закат закружится, завьюжится.
Сад осмотрится и станет невидимкою.
Жизнь ускачет звонкотрепетным кузнечиком,
Обронившим изумрудную слезу.

Антон Шумилин

Улитка

Кошка вечерней зари выгибает спину,
Звёзды дрожат, и легонько скрипит калитка,
Чёрная тень моя шепчет: «Я скоро сгину,
Лишь по прозрачному лбу проползёт улитка…
Лишь каблуком мне аорту проткнут навылет,
Прочь заструится туман, продувая рану,
Дождик холодный слёзы свои выльет,
Смоет улитку. Я в лету легко кану…»

Сны наяву – это странной души трюки.
Нежной любви тонут в земле нитки,
Медленно к льдине стекла подношу руки,
А отражаются только витки улитки.
Чёрная тень моя шепчет: «Я скоро сгину,
Липкого прошлого скинуть пора бремя,
Красное утро улыбкой спалит тину,
Лишь по прозрачному лбу проползёт время…»

Анна Мартышина

Во мне прорастает тяжелая правда

Во мне прорастает тяжелая правда,
Ломая хребты омертвевших иллюзий
Надеждой на страшное, светлое «завтра»
И сны без трагических послевкусий.
Надеждой на эту, глухую, немую,
На жизнь без настойчивых проблесков смерти.

Прозрачные иглы земных поцелуев
По венам рунической нежностью чертят
Пути наступлений на древнюю память
Звенящим, настойчивым роем желаний,
Туда, где навеки придется оставить
Плоды похороненных в Нави сознаний,
Восстать отрешенной под грохот симфоний
Вселенской тоски, абсолютного страха,
И видеть, как мир создается из праха
В борьбе ураганов с туманом гармоний.

Сергей Жидков

Сентябрь. В аду…

Сентябрь. В аду похолодало.
Век безысходности дожит.
Огонь в рассвет бросает жало,
И блюдце времени дрожит.

Но мы с тобой теперь не струсим,
Лишь бросим в Лету томный взгляд.
Зерном в чернеющем арбузе
Мы ждём, когда нас доедят

Иль выплюнут с недоброй миной,
Стекать безумием Дали,
Чтоб мы покой нашли под глиной
И чёрной розой проросли.

Антон Шумилин

Жертва

Чёрный ворон из лужи пьёт,
Отрывая куски теней,
Тянет водоворот в рот
Всё быстрее – смелей, злей…
За тенями – глоток луны,
Пятен крови от пьяных драк,
За луной – белый мел стены.
За стеной… Всё опять не так!
Чёрный ворон допил мир –
Всё по-прежнему: кровь и грязь,
Между жил капает жир,
Сна и смерти рождая связь,
Между ложью – кислотный дождь –
Тормозная жидкость небес…
Тишина – это твой вождь,
Тишина набирает вес.
На утёсах прогнивших свай –
Силуэты разбитых плит.
Этот ад хуже, чем рай,
Но и здесь, и там – ты убит!..

Анна Мартышина

Как изможденный Жан Батист Грёнуй

как изможденный Жан Батист Грёнуй,
впивающийся бледными глазами
во тьму, где в глубине полночных окон
рябит тяжёлая, холодная вода
с прозрачным всплеском лунного затменья...

во тьму, где девушка в змеином ожиданье
перебирает шёлковую пряжу
негнущимися, стылыми руками
и оплетает голосом мгновенья,
застывшие осколками тумана
на впадинах сыреющих окон...

как он, дрожащий, одинокий, нищий,
перед сияющей, огромной жизнью,
убого, лихорадочно молчу...
и, припадая к солнечным потокам
распятого, распавшегося бога,
я чувствую холодный запах кожи
и хлопья белой, отсыревшей краски,
на старом, остывающем от страха,
картонном лике с плесенью в глазах.

и, поднимаясь из потоков пыли,
я восхищённо чувствую кипящий,
струящийся по воспалённым венам
сухой огонь и высверленный стыд.

Сергей Жидков

Почему?

Ни ключей, ни замков, ни дверей, ни рая…
Ничего никогда здесь не было заперто.
Никуда мы не шли, ни во что не играли,
Просто были веками безделием заняты.

Наш вопрос – почему? – изогнулся змеёю
И упрямо повис – ни на зло, ни в укор.
Время думать. Зима. Белоснежной землёю
Нашу жизнь заметает небес монитор.

Мы уныло бредём по проталине зыбкой.
Беспричинно вселяет нелепая блажь
Охлаждающий пафос – «Рожденье – ошибка».
Не ошибка. Оно – неизбежный мираж.

Я рождён не случайно на выселках века.
Мне не виден исток, но уж блещет конец.
Что-то пишет Луцилию мудрый Сенека.
Ещё час, и от цезаря будет гонец…

Почему?
Давит бремя колючих вопросов.
Но ответы сокрыла снегов бахрома.
Время думать. Зима. Цитрамон – не философ,
А всего лишь таблетка от спазмов ума.

Антон Шумилин

Прогорклый торт вечерних дум

Прогорклый торт вечерних дум
Мне отравляет организм.
Густая слизь игры теней
Толкает страх в последний путь.
Моя реальность – атавизм.
Сегодня в моде белый шум.
Второе Я сказало: «Будь!»
Но Все воскликнули: «Имей!»

Под дождь. По гравию. В ночи.
Железный запах поездов.
Моя реальность – атавизм.
Все имитируют экстаз.
Под покровительством крестов
Казнят друг друга палачи,
И не смыкая мёртвых глаз,
Мне отравляют организм.

Часы глотают вниз песок
И приближают смертный час…
Моя реальность – сущий бред?
Её не будет никогда?
Любви тотальность – не для нас?
И ни к чему свободы сок?
Со всех сторон стреляет: «Да».
А изнутри сочится: «Нет!»

Анна Мартышина

Время

Тише, тише... Жизнь уходит,
Ночь приходит успокоить.
От улыбок скулы сводит,
Силы нет с тобою спорить.

Не тревожься – лёгкий пепел
Дней вчерашних греет душу.
Облик твой бессильно светел...
Я молчу, а ты не слушай.

Долго, долго... Как же долго
Тянет вечность жизни жилы...
Время вздрогнуло и смолкло –
Чуть бледны, немного живы.

Слышишь?

Бог уснувший тихо бредит,
Просыпается и плачет.
Он ещё в кого-то верит,
Он ещё хоть что-то значит.

Жалко, грустно... Жизнь уходит,
И ему – на небе – страшно,
Он бессонницей проводит
Век земной и день вчерашний.

Ничего, и он забудет.
Всё пройдёт, усни, не бойся.
Нас никто спасать не будет,
Примирись и успокойся.

Сергей Жидков

Угловатые пятна луны

Угловатые пятна луны,
Лучевые полночные жилы...
Мы на горе уже не годны,
А спасения не заслужили.

Белый бархат небесных белил
Отбелел и изветрился в дыме.
Нас никто никогда не любил,
Потому мы и стали седыми.

Что любить? Две строки ни о чём?
Вдохновенные липкие вопли?
Все надежды за левом плечом,
Отнадеявшись, трепетно смолкли.

Вечереет душа, и чернил
Просят пальцы, как зрителя сцена.
Нас никто никогда не ценил,
Потому мы теперь и бесценны

И пусты, как червивый орех.
Дожжены равнодушным покоем.
Мы живём на земле лучше всех,
Потому так отчаянно воем

Про себя, не разинувши пасть.
Уж которую жизнь на приколе
Нам святая даётся напасть –
Затаиться в забвении вволю,
От души намолчаться всласть.

Антон Шумилин

Нектар суровой тишины

Нектар суровой тишины
Я пью, когда уже не больно,
Когда дела совершены,

Когда ты пишешь между строк,
Что сердцу нужен кровосток
И истязать себя довольно.

Но сердцу крайне важен шанс,
На безответность мораторий,
И что-то искреннее в нас…

Увы, такой величины
Все чувства вновь обречены
На внутривенный крематорий.

Нектар суровой тишины
Я растворяю в алкоголе,
Когда дела совершены…

Чем обстоятельства грубей,
Тем больше мыслей о тебе,
Как мыслей узника о воле…

Анна Мартышина

Молчишь и думаешь

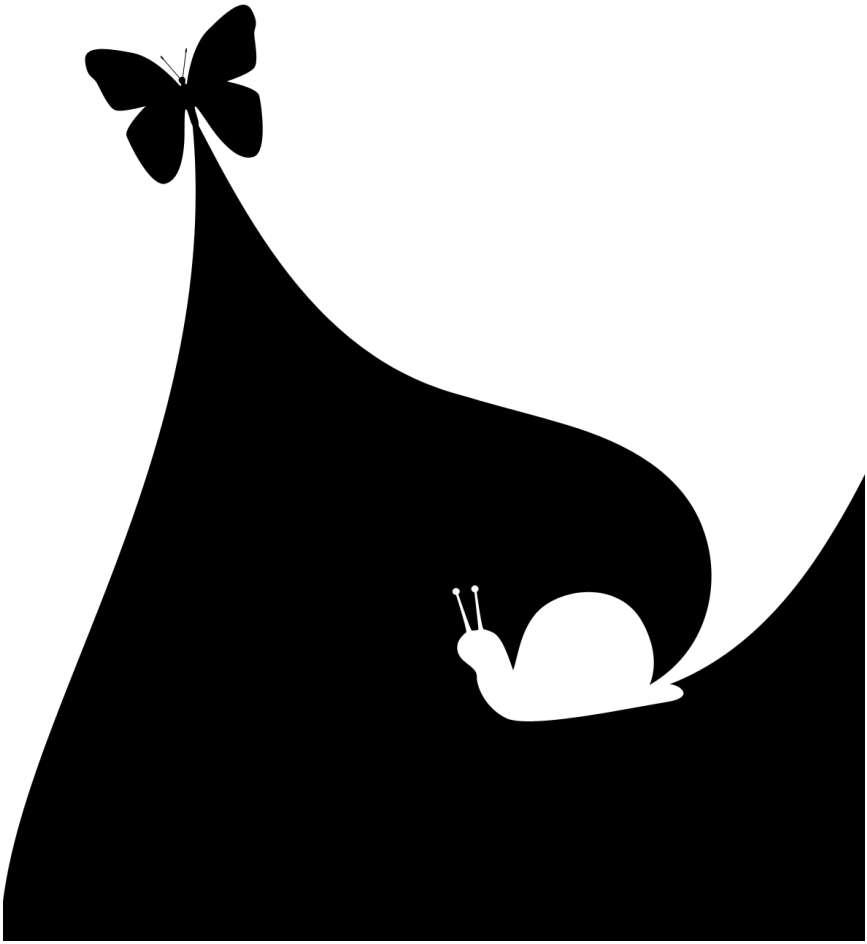
Молчишь и думаешь... О чём ты думаешь?
О солнце, рухнувшем за смертный край?
О в пыль разрушенных, о передушенных,
О передавленных в борьбе за рай?

О чём ты думаешь, тоской разбуженный,
За счастье – проклятый, в несчастье – злой?
На флейте старенькой, чуть-чуть простуженной,
Звеневший весело за упокой?

По-человечески, по незабытому,
Взгляни, не царствуя, не хороня.
Стерпи – унылую! Прости – убитую!
Спаси – застывшую – глотком огня!

О чём ты думаешь? Молчишь, неискренний,
Уходишь, прожитый, вчерашним днем.
Глаза тяжёлые с сырыми искрами
Блестят бессмысленно чужим огнём.

Миры погибшие туманом мёртвенным
Встают над омутом земной души.
Для них становимся немыми жертвами,
И жизнь кончается уже. Спеши!

Сергей Жидков

И когда полетят короны…

...И когда полетят короны,
А следом, державшие их головы,
Будет скорбить виолончель
И грузно, и грустно.
Но только виолончель…

Всё растащили, как во́роны.
Всё разделили не поровну.
Некому бить поклоны.
Жизнь – не игра, – карусель.

Там, где горели люстры,
Сегодня пылает ненависть.
Там, где кушали устриц,
Сегодня едят людей
С большим аппетитом. Не давятся.
Вот и рубцы обесцветились
Кровавого бутерброда.
История ржёт, – повторяется.
Уже уносят кого-то
В лёд, – пригодится завтра.

Спасение есть – не правда, –
Очередная партия
Чёрно-буро-зелёно-красных.
Успей сказать «Да», преломиться
Сквозь истину новых призм.
Было же столько разных,
Как же смогли все слиться?
Нелепость, – игра в демократию
Опять породила фашизм.

Что будет с теми, кто болен,
И по-прежнему делит солнце
В мире – слепом шалаше?
Не важно.

Мне страшно за тех, кто спокоен,
Не ждёт, не гнетёт и не гнётся,
И жить не боится уже.

Антон Шумилин

Смерть

Скользкой смерти трафарет
На могиле ставит крест.
Кто-то был? Кого-то нет,
Он ушёл из этих мест.

Пусть дорога не нова,
Что поделать... Умер бог...
Черви, глина да трава –
Это весь его итог.

Весь итог развился в гниль,
Явь сгнила, и Навь – на треть...
Всё, что ложно – это пыль,
Всё, что можно – это смерть.

Хрупкой жизни трафарет
Начертал благую весть:
Бога не было и нет,
Смерти не было и есть...

Анна Мартышина

И снова – жизнь

И снова – жизнь. Колючки и цветочки,
Репьи и колосящаяся рожь.
Когда совсем не веришь и не ждёшь,
Быстрее и верней дойдёшь до точки...

Зелёная, цветущая земля,
Июньский ветер, душный и манящий,
И соловьи, их перелив звенящий,
И васильковые, небесные поля...

Всё горько мне. Безвыходно и больно.
Забыть, свернуться и уснуть спокойно
Под метрами сжирающей земли...

Мечта моя! И солнце опадает,
И сердце падает за горизонт и тает,
Кровавое на трауре зари.

Сергей Жидков

Похороны смерти

«В тыя дни взыщут человецы смерти,
и не обрящут ея;
и вожделеют умрети,
и убежит от них смерть»
Апокалипсис 9:6

Наша жизнь – не ценнее окурка.
Прокурили, прокашляли тщетно.
Я немножко похож на придурка, –
Моё тело смешно и бессмертно.

Меня звали веселия ради
Поучаствовать в скорбном концерте.
Только радость опять некстати.
Не о жизни грущу, – о смерти.

Кто-то крикнул в толпе: «Подохла.
Подустала нас сечь косою».
Я разбил запястьями стёкла,
Но она не пришла за мною.

В шумном счастье давились жизнью,
Пели, пили да драли глотки.
И уже не боялись мысли –
Утонуть в океане водки.

«Мы бессмертны», – кричали долго
И транжирили жизнь на тосты.
В смерти нет, да и не было толку;
Лишь уныло росли погосты.

А теперь, не подав и знака,
Она в бездну сошла беспечно.
Я стоял и тихонько плакал,
Оттого, что мне жить вечно.

Антон Шумилин

Всё подытожено

Улыбаемся и машем!
Озверевшая от обиды шарманка
Весело заливает улицы
Похоронным маршем,
Налипает на лица наши
Густая небесная манка
И, опадая,
Отрывает пуговицы
Чёрных рубашек.

Что случилось?
Да всё просто кончилось
Продолжением начала.
Озеро тенденций
Внутрь всего просочилось,
И для нас не стало причала.

Всё подытожено.
Всё теперь логически цельно
И как положено,
А я воспаряю на дне ямы
И грызу сердцем
Свинцовое мороженое.

А кто-то самозабвенно
Выдавливает удивлённый глаз.

Анна Мартышина

Когда-нибудь

И приидет конь бледный, и небо разобьётся...
И падёт мир в вечность... Падёт в ничто.
Кровью войн обагрённое, мёртвое солнце
Будет жадно и нежно светло.

И сольются все реки в одну. И прольются.
И смешаются горы в песок.
Измождённые смертью падут и сорвутся
В неизбежное слово: Бог.

И раскрошатся звёзды, изветрится вера,
И опустится ровная, мёртвая мгла.
Стану новой, живой и безвыходно первой –
В страх крещённая, вечно одна.

Страшно. С хрустом сжимаю зубы,
Чтобы скрыть эту детскую дрожь.
И во мне все гремят гаврииловы трубы,
Заглушая сакральную ложь.

И во мне всё пылают чужие рассветы
И последнее солнце встаёт...
Солнце чьей-то великой победы,
Остывающее в лёд.

Сергей Жидков

Музыка вместо нас...

Что это было? Вздох,
Мимо неба пронесший эхо?
Мимо снов проскользнула веха
Наших самых желанных крох–

Капель снега в реке времён.
Не пусти меня звать надежду.
Между Явью и Навью – между –
Мы не знали своих имён.

Мы вросли в зодиак теней.
Покосилось небес корыто,
И бездушная ночь разбита
На молчанье пустых огней,

Что горят, не касаясь глаз,
Изобильем земного рога.
Нам досталось довольно много –
Будет музыка вместо нас.

Содержание

Антон Шумилин
Анна Мартышина
Сергей Жидков

З

1. Пора трогаться 6
2. Мы просто помним 7
3. Чёрная комната 8

4. Руками шаришь в пустоте 9
5. Празднуй пробуждение и счастье 10
6. Карнавал 11

7. О Дне Родины 12
8. Парфюмер 13
9. Интроверт 14

10. Безразличие 15
11. Суди, как хочешь 16
12. Стынет ночь в отражении 17

13. В обжигающую тьму ночных улиц 18
14. В свете сломанных фонарей 19
15. О, неужели ты уходишь? 20

16. Предчувствие 21
17. Поток 22
18. Жалко замёрзший автобус 23

19. Огоньки в бутылке водки 24
20. От прошлого осталась 25
21. Под лампой, как под солнцем Арагона 26

22. Нирвана? 27
23. Ты хорошо играешь эту роль 28
24. Наполнен сексом, тёплым сном и колбасой 29

25. Белые колыхания обнажённого живота 30
26. В больной эстетике 31
27. Над пропастью 32

28. Мы будем летать 33
29. Мы с тобой одним миром мазаны 34
30. Не сторонись 35

31. Ни мира, ни войны. 36
32. Мне столько лет 37
33. Волк памяти 38

2

1. Рыбий почерк варёного глаза луны 41
2. Тормоза бывают полезны 42
3. Горит вином мятежный сад 43

4. Мне снится порой, как хрустят позвонки 44
5. Оттенки чёрного 45
6. Хрустальной обесточен тишиной 46

7. Унылая серость небесного плаца 47
8. Я кого-то в себе успокоил 48
9. Прыжок? 49

10. Мысли рождают, как осы яд 50
11. Переселяюсь в другое тело 51
12. Заманчивая ритмика ножа 52

13. Интуиция 53
14. Я вяжу из нервов 54
15. Вельветовый занавес 55

16. Чёрную сетку ветвей одинокой рябины 56
17. Поражённая правдой охрипшая вязкая ночь 57

18. Нам нечем дышать 58

19. В уродливом мире 59
20. Ты думаешь, я соглашаюсь гнить? 60
21. В ожидании 61

22. Пустырь и стар, и сер 62
23. Белый снег, зима глухая 63
24. С Новым Годом!!! 64

25. Вечер ледяной и поздний 65
26. Переводы с латинского 66
27. Ветла 67

28. Сливы 68
29. Я не крыльев твоих испугался 69
30. Коктейль мечты давно 70

31. Фаталистичное 71
32. Освобождаю мир 72
33. Нет слов 74

1

1. Рождение истины 79
2. Холодно 80
3. Февральской слякоти преступное безволье 81

4. Поле чудес 82
5. Продажа душ – не новая игра 83
6. Пустеют строки 84

7. Безумные тени с последних рядов 85
8. Я с тобой так состарился 86
9. Как же ты озвучишь терпкий мрак? 87

10. Метель – малиновый суп 88
11. Весна 89
12. Мне снятся металлические сны 90

13. Шаги по полю 91
14. Порошок из моих костей 92
15. Всё труднее верить в барабашек 93

16. Улитка 94
17. Во мне прорастает тяжелая правда 95
18. Сентябрь. В аду 96

19. Жертва. 97
20. Как измождённый Жан Батист Гренуй 98
21. Почему? 99

22. Прогорклый торт вечерних дум 100
23. Время 101
24. Угловатые пятна луны 102

25. Нектар суровой тишины 103
26. Молчишь и думаешь 104
27. И когда полетят короны 106

28. Смерть 107
29. И снова – жизнь 108
30. Похороны смерти 109

31. Всё подытожено 110
32. Когда-нибудь 111
33. Музыка вместо нас 112

Литературно-художественное издание

Стихи

Антон Шумилин Анна Мартышина
Сергей Жидков

Дым Интуиции

Печатается в авторской редакции

Технический редактор — Л. И. Дорошина (Терёхина)
Художественное оформление — А. Шумилин
Компьютерная вёрстка — О. Сиротин

Сдано в набор 12.06.2010 года.
Подписано в печать 12.07.2010 года.
Бумага писчая. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 7,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 385.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в типографии ИП Козлова К.М.:
Адрес: 440052, г. Пенза, ул. Баумана, 30м.
Телефон 36-95-14